

На правах рукописи

СЕРЕБРЯНАЯ Ирина Борисовна

**РУССКИЙ ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание учёной степени

доктора филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова **Грачёв Михаил Александрович** (Нижний Новгород)

доктор филологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой славянских языков и культуры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова **Запольская Наталья Николаевна** (Москва)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ФГБУН Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН **Шестакова Лариса Леонидовна** (Москва)

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет», кафедра русского языка и теории словесности (Москва)

Защита состоится 27 мая 2014 года в часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу 420008, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, ул. Кремлевская, д. 35). С электронной версией можно ознакомиться на сайте www.kpfu.ru.

Автореферат разослан « » _____ 2014г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Виноградова Татьяна Юрьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение ценностного отношения человека к языку является одной из важнейших проблем современного языкознания. В этом плане вызывает большой интерес как спонтанная, так и обдуманная оценочная деятельность носителей языка, обращённая к Слову. В качестве субъекта такой деятельности могут выступать не только лингвисты, но и все образованные члены языкового коллектива. Среди них особое место занимают люди литературного труда: писатели, поэты, драматурги, журналисты, литературные критики, т.е. те, кто связан со Словом профессионально и проявляет к нему наиболее заинтересованное и требовательное отношение.

О необходимости исследования критических оценок языка (речи) и возможности использования в самых разных областях лингвистики результатов этих изысканий пишут многие языковеды: Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, С.И. Виноградов, Б.С. Шварцкопф, В.П. Григорьев, Н.Д. Арутюнова, В.Д. Бондалетов, И.Т. Вепрева, Е.М. Вольф, М.А. Кронгауз, Г.В. Судаков, Т.В. Шмелёва, А.А. Шунейко и др.

Необходимо отметить, что работы об оценках языка имеют преимущественно обобщённо-теоретический характер и посвящены большей частью эпохе XX – XXI веков. Так, А.А. Шунейко рассматривает в названном отношении индивидуальные стили В.М. Шукшина, И.А. Бродского, А.Т. Драгомощенко и В.В. Ерофеева. М.А. Кронгауз пишет об идеях критики языка, возникших в Венском кружке, Кембриджском и Оксфордском университетах (конец 20-х – 30-е гг. XX в.), а также характеризует критику русской речи в советское и постсоветское время. Языковая рефлексия как отражение социально-культурного мировосприятия носителей языка в постсоветскую эпоху исследуется в монографии И.Т. Вепревой. Работы ретроспективного плана, посвящённые языковым оценкам, встречаются не столь часто. Таковы, например, исследования Г.В.

Судакова и Э.Л. Трикоз, в которых анализируется «обыденная», по терминологии авторов, «метаязыковая рефлексия» в России второй половины XIX века.

Между тем, в соответствии с идеями Г.О. Винокура и В.В. Виноградова, исследование оценочных суждений о языке особенно перспективно в интересах его истории, поскольку отражает состояние речевой культуры, характер «языкового идеала» и «лингвистических вкусов» в определённую эпоху¹. Именно это направление исследований, которое, по сути дела, не получило в языкознании систематической разработки, является основным в настоящей работе, посвящённой конкретно-историческому анализу оценок языка литературных произведений в русской критике 1-й половины XIX в.

Как известно, изучением литературной критики (творческой деятельности по оценке художественных качеств и общественной роли словесных творений) занимаются в основном литературоведы. Однако литература – искусство слова, и критики уделяют большое внимание «первоэлементу», по выражению А.М. Горького, литературного творчества, оценивая не только идейно-содержательную, но и языковую сторону произведений. В этом отношении материалы русской критики весьма актуальны для языковедов как ценный лингвистический источник, привлечение которого даёт возможность взглянуть на язык с нового ракурса: активной позиции мыслящего члена языкового коллектива, воспринимающего своё средство общения, познания и выражения эмоций неравнодушно и инициативно. Анализ критических суждений о языке и речи позволяет исследовать тенденции языкового развития, изучить процессы нормализации русского языка, вникнуть в культурно-речевые проблемы на том или ином социально-историческом этапе, установить коллективные и

¹ Винокур Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 39 – 40.

индивидуальные лингвистические приоритеты и привычки, получив эту информацию «из первых уст».

В связи со сказанным кажется целесообразным вычленение особой области языкознания – русской лингвистической *аксиографии* (от греческого *axios* ‘оценка’ и *grapho* ‘пишу’), изучающей специальные высказывания критиков (в статьях, рецензиях, библиографических заметках и проч.) о языковой составляющей отечественной литературы. В качестве субъектов таких суждений могут выступать и сами критики, и художники слова, и, что бывает значительно реже, – обычные читатели, когда они выражают (как правило, в письменной форме) мнение о каком-либо литературном произведении, касаясь при этом речевых вопросов. Важно отметить, что критикующие далеко не всегда считают нужным пояснять и аргументировать свою точку зрения, полагаясь на лингвистическую компетентность читателей или (в случае не рассчитанных на публику маргиналий, черновых заметок и т.п.) просто не видя в этом нужды. Иногда же комментарии имеются, но, поскольку время написания рецензии далеко отстоит от современной эпохи, они в наши дни непонятны. Поэтому аксиографические факты часто представляют своего рода лингвистические загадки, для решения которых требуются углублённые изыскания с привлечением лексикографических, грамматических, узуальных данных.

Русская лингвистическая аксиография представляет собой точку соприкосновения двух тесно связанных некогда частей филологии: литературоведения и языкознания, – которые в наши дни весьма сильно размежевались. Можно согласиться с В.П. Григорьевым в том, что от разобщённости этих наук, связанных внутренней общностью, «страдает единство филологии, культура художественной речи и воспитание в обществе чутя к слову»².

² Григорьев В.П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики / В.П. Григорьев. – Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 117.

Обращение именно к периоду 1-й половины XIX века обусловлено особой значимостью этой эпохи для истории русского национального языка, истории русского литературного языка, основные нормы которого складывались в данное время, истории русской литературы и русской культуры в целом.

Комплексное исследование закономерностей развития русского языка в один из переломных моментов его функционирования, осуществлённое через призму языкового сознания, определяет актуальность настоящей работы.

Теоретико-методологической базой работы послужили: 1) теория речевой деятельности, разработанная отечественными лингвистами и психологами (Л.В. Щерба, А.А. Леонтьев, Л.С. Выгодский, М.М. Бахтин и др.); 2) философско-лингвистическая теория ценностей и учение об оценках языка и речи, языковой критике, речевой рефлексии (А.А. Потебня, А.М. Пешковский, Н.Д. Арутюнова, Б.С. Шварцкопф, В.П. Григорьев, А.А. Шунейко, Г.В. Судаков, И.Т. Вепрева, Е.М. Вольф, М.А. Кронгауз, Т.В. Шмелёва, В.В. Миронов, М.С. Каган и др.); 3) положения о социальной обусловленности употребления языка в работах по истории русского литературного языка, лингвистической поэтике и теории языка художественной литературы (А.И. Соболевский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Л.А. Булаховский, Ю.С. Сорокин, В.Д. Левин, А.И. Горшков, Е.Г. Ковалевская, Б.А. Успенский и др.); 4) теория ортологии русского языка и культуры речи (В.И. Чернышёв, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Ю.С. Степанов, К.С. Горбачевич, Л.П. Крысин, Ю.А. Бельчиков, Б.Н. Головин, Л.И. Скворцов, Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев, М.В. Шульга и др.); 5) учение о специфике языковых стилей и закономерностях их функционирования в трудах по современной и исторической стилистике русского языка (Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Ю.С. Степанов, К.С. Горбачевич, А.В. Чичерин, Д.Н. Шмелёв, А.И. Ефимов, М.Н. Кожина, И.Б. Голуб и др.); 6) принципы последовательного историзма и идеи о тесной

взаимосвязи всех сфер языка, лёгшие в основу исследований по исторической грамматике (исторической фонетике, исторической акцентологии, исторической морфологии, исторической лексикологии, историческому словообразованию) русского языка (Ф.И. Буслаев, В.А. Богородицкий, С.П. Обнорский, П.Я. Черных, К.В. Горшкова, В.В. Колесов, Г.А. Хабургаев, В.М. Марков, И.Э. Еселевич, В.Л. Воронцова, М.В. Панов, М.В. Шульга, Г.А. Николаев, Э.А. Балалыкина, Л.Р. Абдулхакова и др.); 7) теория и история русской литературы, русской литературной критики и журналистики (Д.Д. Благой, С.М. Бонди, Д.С. Лихачёв, В.Э. Вацуρο, В.А. Каверин, Л.М. Крупчанов, Ф.М. Головенченко, А.С. Курилов, Ю.Н. Тынянов, Г.Г. Хазагеров, И.Б. Лобанов, В.Е. Хализев, А.Г. Цейтлин, К.И. Чуковский, И.О. Шайтанов, В.Н. Коновалов, В.Н. Крылов и др.); 8) концепция единства филологического знания как важнейшего условия полноценного развития языкознания и литературоведения (Г.О. Винокур, Ю.В. Рождественский, С.С. Аверинцев, Б.С. Шварцкопф, В.П. Григорьев, А.А. Шунейко и др.); 9) концепция категориальности явлений языкового и метаязыкового сознания (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, Б.С. Шварцкопф, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов и др.).

Объект исследования - русский язык как система ценностей в отечественной критической литературе 1-й половины XIX века.

Предмет изучения – типология, аргументативно-критериальная база и специфические особенности относящихся к разным языковым уровням (фонетико-орфоэпическому, акцентологическому, лексико-семантическому, словообразовательному и морфологическому) высказываний критиков 1-й половины XIX века о речевой стороне оцениваемой литературы.

Цель работы – исследовать процессы функционирования и развития русского языка, проблемы формирования литературной нормы, а также лингвистические предпочтения и вкусы 1-й половины XIX века на базе

изучения относящихся к этому периоду критических суждений о языковой (речевой) сфере литературных текстов.

Цель определяет решение следующих задач:

1. Стратифицировать выбранный из произведений русской критической литературы оценочно-лингвистический материал в соответствии с затронутыми языковыми проблемами, а также жанрово-композиционными, содержательными и иными характеристиками.

2. Установить круг наиболее значимых для исследуемой эпохи культурно-речевых (фонетико-орфоэпических, акцентологических, лексико-словообразовательных и морфологических) проблем, ставших предметом критического обсуждения.

3. Выявить специфические особенности речевых оценок в зависимости от принципа организации и жанрово-тематических характеристик оцениваемого литературного произведения.

4. Соотнести замечания критиков, обращённые к словесной области литературных произведений, с употреблением языка в соответствующий период, а также с предписаниями словарей и грамматик XVIII – 1-й половины XIX вв.

5. Составить представление о содержании, характере и степени освоенности нормы русского литературного языка 1-й половины XIX века для каждой из рассматриваемых языковых сфер.

6. Определить роль критики в развитии и становлении норм русского литературного языка исследуемой эпохи.

7. Исследовать основные критерии, которыми руководствовались критики в своих оценках языковой составляющей литературных произведений.

8. Проанализировать наиболее типичные способы аргументации, используемые рецензентами для подкрепления их суждений.

9. Рассмотреть особенности языковых оценок на фоне диалога различных литературно-общественных направлений в России 1-й половины XIX века.

10. Интерпретировать необъяснимые с позиций современного русского языка факты языковых оценок, т.е. раскрыть их системно-языковые, нормативно-ортологические, функционально-стилистические, социально-прагматические и иные причины.

11. Охарактеризовать совокупность актуальных для 1-й половины XIX века лингвистических ценностей, приоритетов и вкусов.

В ходе исследования применялись такие общенаучные **методы** изучения материала, как наблюдение и обобщение, систематизация и классификация, а также интерпретация в широком смысле. Из наиболее значимых частных лингвистических методов, использованных в работе, следует назвать методы лингвистического описания, стилистического анализа, историко-сравнительный метод, приёмы сравнительно-исторического, психолингвистического, социолингвистического методов, элементы статистического анализа.

Материалом диссертационной работы послужили выбранные из произведений русской критической литературы 1-й половины XIX века оценки языка обсуждаемых литературных произведений. Основными источниками исследования являются периодические издания 1800 -1849 гг., сборники критических статей и материалов, эстетические и риторические трактаты, маргиналии (пометы на полях), мемуарные сочинения, дневниковые заметки, пародии, переписка и т.п. Особенно широко использовались сведения из критических отделов таких значимых в изучаемый период столичных журналов и газет, как «Вестник Европы», «Московский Меркурий», «Сын отечества», «Благонамеренный», «Атеней», «Московский вестник», «Северная пчела», «Москвитянин», «Телескоп», «Московский телеграф», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» и других. Кроме того, в качестве материала исследования впервые было

привлечено областное периодическое издание – первый частный журнал Прикамского края «Заволжский муравей», выходивший в Казани с 1832 по 1834 год. Большое значение при написании работы имели также нормативные грамматические руководства, словари и труды лингвистов. Как источник узувальных данных активно использовался Национальный корпус русского языка, а при необходимости, - иные текстовые материалы (литературные произведения, путевые заметки, тексты церковных книг и проч.). В некоторых случаях приводились данные родственных славянских языков и диалектологические факты.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней представлен первый опыт комплексного исследования оценок речи в русской критической литературе 1-й половины XIX века; на этой базе осуществлён системный анализ основных закономерностей в функционировании и развитии русского языка и охарактеризованы основные лингвистические приоритеты и вкусы эпохи. В диссертации теоретически обосновывается целесообразность вычленения (и, соответственно, - введения нового термина) особой языковедческой области – русской лингвистической аксиографии, изучающей представленные (главным образом) в письменной форме специальные критические суждения о речевых качествах литературных текстов. Впервые разработана типологизация аксиографического материала, в основу которой положены системно-языковые, жанрово-стилистические и ценностно-критериальные факторы. В научное обращение введено большое число не известных ранее лингвистам данных, связанных с жизнью русского языка в 1-й половине XIX века и касающихся эволюции словарного состава, трансформаций семантической структуры слова, изменений в грамматическом строе и проч.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что работа существенно дополняет, развивает и конкретизирует разработанную отечественными языковедами теорию речевой деятельности, особенно в той её части, которая касается проблемы восприятия и понимания речи.

Одновременно диссертация является весомым вкладом в теорию и методологию истории русского национального языка, - русского литературного языка, а также - языка художественной литературы, исторической стилистики, исторической грамматики и исторической лексикологии русского языка.

Практическая значимость диссертации связана с тем, что её результаты могут быть использованы в лекционных курсах и на практических занятиях по истории русского литературного языка, исторической грамматике русского языка, стилистике русского языка, культуре речи, риторике, в спецкурсах по филологическому и лингвистическому анализу художественного текста, прагмалингвистике, социалингвистике, психоллингвистике, а также — в лексикографической практике. Вместе с тем материалы исследования будут полезны в преподавании литературоведческих дисциплин. Существенными кажутся также лингвометодические (в том числе имеющие выход в практику школьного преподавания) возможности применения результатов работы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Русская лингвистическая аксиография, т.е. раздел науки о языке, изучающий специальные критические суждения о словесной стороне оцениваемых текстов, позволяет исследовать общественные языковые приоритеты, а также основные закономерности и тенденции в функционировании и развитии национального, литературного языка и языка художественной литературы. Узуальные языковые средства, претерпевая отбор на предмет нормативности, проходят объективно необходимый, предшествующий окончательной кодификации этап аксиографической апробации, весьма существенный в процессе социальной оценки нормы.

2. Эпоха 1-й половины XIX века, языковая жизнь которой исследуется в работе, характеризовалась широкомасштабным энциклопедическим «филологизмом» образованной части российского общества, глубоким интересом к русскому языку и всем проявлениям Слова

как воплощению духовности человека. Одной из главных задач отечественной литературной критики, представлявшей собой тогда влиятельную социально-культурную силу, считалась задача «установления языка». Речевые оценки, сделанные русскими критиками в этот период активного распространения «гуманитарности», отличаются глубиной наблюдений, тонкостью замечаний и прозорливостью, обеспечивая «общественное одобрение» (С.И. Ожегов) языковым фактам, претендующим на роль нормативных.

3. В рассматриваемый период существовала достаточно чёткая, исторически обусловленная система ценностных лингвистических ожиданий, которые носители языка 1-й половины XIX века связывали с определённым типом организации литературных произведений (как художественных, так и нехудожественных). В частности, стихотворные тексты, которые особенно тесно ассоциировались со звучащей речью и характеризовались эмоционально-семантической спаянностью элементов, были сопряжены в языковом сознании, прежде всего, с ожиданиями благозвучия, стилистической оправданности и эстетической гармоничности использованных автором средств выражения; в этом случае оставались на втором плане коммуникативно-прагматические и нормативные свойства. Напротив, от прозы, «языка мысли», в первую очередь ждали именно коммуникативно-прагматических качеств, т.е. точности, ясности и логичности выражения; в этой сфере весьма высоко ценилась также грамматическая правильность выражения; стилистический же и эстетический аспекты были для критики менее актуальными, чем при разборе стихотворных текстов. Что же касается драматургии, то от произведений этого синкретичного, ориентированного на сценическое воплощение литературного рода ожидалось одновременно как коммуникативно-прагматические и нормативно-грамматические достоинства, весьма важные для адекватного восприятия пьесы и её воспитательного воздействия на зрителей, так и стилистическая уместность речевой имитации.

4. Для исследуемой эпохи были характерны три основных способа рассмотрения критикой использованных авторами языковых средств: два «внутритекстовых» и один «внетекстовый». Таковы: 1) парадигматический способ, т.е. оценка определённого языкового факта относительно изолированно от контекста, в ряду взаимозаменяемых или взаимоисключающих друг друга образований; 2) синтагматический способ, т.е. суждение о той или иной языковой единице на фоне окружающего её контекста, при учёте взаимодействия всех компонентов анализируемого фрагмента; 3) узуально-прогностический способ, т.е. выход рецензентов за пределы оцениваемого текста, обращение их к общезыковым условиям употребления обсуждаемого явления, а также – к вопросам его необходимости и дальнейшей судьбы в языке. Избранный рецензентом способ разбора определялся спецификой оцениваемого явления. Так, оценки парадигматического типа были наиболее характерны для рассуждений о морфологической стороне критикуемых текстов; суждения, сделанные на синтагматическом уровне, – для высказываний о сфере словоупотребления и, очевидно, – синтаксиса (мало затронутого в данной работе); оценки прогностического плана касались главным образом вопросов словообразования.

5. Критериальная база критических суждений о языковой сфере литературных произведений в 1-й половине XIX века была основана на следующих принципах, расположенных в соответствии с частотой их выдвижения: 1) широкая употребительность оцениваемого языкового явления; 2) его коммуникативно-прагматическая состоятельность (соответствие требованиям точности, ясности и логичности); 3) его функционально-стилистическая оправданность; 4) производимое им положительное эстетическое впечатление; 5) необходимость (целесообразность существования) обсуждаемого языкового факта; 6) его кодифицированная нормированность; 7) его позитивная нравственно-воспитательная составляющая.

6. Основополагающее значение узувального критерия в языковых оценках 1-й половины XIX века обусловлено нормативной неустойчивостью, характерной для данной эпохи, когда изменялись лингвистические предпочтения, старое, устоявшееся неохотно уступало место новому, нарождающемуся, а словари и грамматики во многом ориентировались на традиции. Приоритет в русской критике, осуществляющей общественную апробацию изменений в языке, критерия широкой употребительности речевого явления, сыграл существенную роль в движении русского литературного языка по пути демократизации.

7. Русская лингвистическая аксиография 1-й половины XIX века, будучи составной частью языковой политики и выполняя коррективно-нормативные и культурно-воспитательные функции в речевой сфере, способствовала упорядочению и стабилизации отечественного языка и вместе с тем – обогащению и расширению его выразительных возможностей. Кажутся весомыми основания для выделения особого лингво-аксиографического фактора в развитии и становлении русского национального языка как существенного экстралингвистического регулятора происходящих в нём изменений.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертации были изложены на 45 международных, всероссийских, региональных и межвузовских конференциях, в том числе: «Русский язык в культурно-историческом измерении» (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012 г.), «Славянские языки и культуры в современном мире» (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2012 г.), «Русский язык: функционирование и развитие» (Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2012 г.), «Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе» (Институт лингвистических исследований РАН, 2011 г.), «Филология и образование: современные концепции и технологии» (Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2011

г.), «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2010 г.), «Сопоставительная филология и полилингвизм» (Казанский государственный университет, 2010 г.); «Современные проблемы русистики и лингвометодики» (Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2010), «Язык, культура, речевое общение» (Московский педагогический государственный университет, 2009 г.), «Национальный миф в литературе и культуре» (Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2009 г.), «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2008 г.), «Homo scribens: литературная критика в России: поэтика и политика» (Казанский государственный университет, 2008 г.), «Языковая семантика и образ мира» (Казанский государственный университет, 2008) и др., а также на итоговых научных конференциях в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете и Казанском (Приволжском) федеральном университете. Всего по теме диссертации опубликовано 35 работ, в том числе 16 статей в журналах, рекомендованных ВАК.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, списка использованной научной и словарно-справочной литературы, перечня источников и условных сокращений и приложения. Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются цель, задачи, объект и предмет изучения, устанавливается методологическая база исследования, формулируется гипотеза, характеризуются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, представляются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретические аспекты оценочно-языковой деятельности» излагаются концептуальные положения диссертации. Эта глава состоит из семи разделов.

Разделы **1.1.** и **1.2.** характеризуют базовые категории теории ценностей, связанные с темой исследования, терминологию, используемую применительно к оценочным явлениям в лингвистической литературе, и основные аспекты рассмотрения оценок языка в отечественной лингвистике. Здесь же даётся характеристика ведущему в работе функционально-историческому аспекту, который позволяет через посредство изучения обдуманно-намеренных критических суждений о языке (речи) детально исследовать основные тенденции развития языка и общественно-языковой культуры³.

В разделе **1.3.** раскрывается понятие литературной критики, представляющей собой интеллектуальную деятельность по оценке и истолкованию произведений словесного искусства, и обосновывается лингвистическое значение критических высказываний о языковой составляющей литературы.

Психолингвистические и философские аспекты оценочно-языковой деятельности анализируются в разделе **1.4.** Изучение аксиографических данных позволяет значительно более углублённо рассмотреть такие концептуально-методологические проблемы, как взаимодействие формы и содержания в искусстве, проявление языкового сознания (т.е. индивидуальной или коллективной способности носителей национального языка видеть его наиболее существенные свойства, связи и отношения), вопросы понимания и «принимания» (т.е. «прития» или, напротив, отвержения) литературными критиками лингвистических явлений, соотношение объективных и субъективных факторов в развитии языка.

Поскольку ценностное отношение к языку осуществляется в результате сопоставления языкового материала с соответствующим образцом, «идеалом», одним из наиболее важных при исследовании критических суждений указанного типа является вопрос о литературно-языковой норме,

³ Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1981. – 173 – 179.

рассматриваемый в разделе **1.5**. Литературная норма, являясь существеннейшим мерилом оценок в языковой сфере, существует объективно, т.е. независимо от воли и желания носителей языка. Вместе с тем эта объективность складывается из множества «субъективностей». И здесь весьма значима роль отдельного субъекта - носителя языка, осознающего норму и способствующего её закреплению, в частности, - роль критики. Литературные критики – это та часть образованного сообщества, которая по роду деятельности принимает самое активное участие в процессе отбора языковых средств как нормативных. Известно, что норма литературного языка представлена в образцовых текстах, и в этом осознании «эталонности» произведения исключительно велико значение критики. В ходе критического обсуждения складывается коллективное мнение о сочинении (в том числе и о языковой его стороне). Одновременно формируется «общественное одобрение» (или, напротив, - «порицание») по отношению к тем или иным использованным писателями фактам языка; этот процесс представляет собой необходимый промежуточный этап между речевой практикой и окончательной регистрацией нормы. Литературная норма – исторически изменчивое понятие и имеет различное содержание в разные периоды существования языка. Изучение критических суждений по поводу языковой сферы литературных произведений, сделанных в определённый временной промежуток, даёт возможность установить характеристики нормы, специфические для данного этапа.

Общая характеристика исследуемой в диссертации эпохи 1-й половины XIX века представлена в разделах **1.6** и **1.7**. Это было время, когда в развитии русского литературного языка сплелось множество разнородных и противоречивых тенденций, связанных с демократизацией национальной речи и кризисом прежней стилистической системы⁴. В этот период первостепенная роль в процессе становления нормы стала принадлежать

⁴ Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века: лексика и общие замечания о слоге / Л.А. Булаховский. – Киев: Изд-во Киевского государственного университета, 1957. – С. 42.

художественной литературе, а литературная критика, для которой было характерно весьма придирчивое внимание к языку «разбираемых» произведений, вступила в пору подлинного расцвета.

Очень важно, что изучение данных, представляемых русской критической литературой, даёт возможность судить о специфике подходов к языковым явлениям различной жанрово-стилистической принадлежности (не только художественной, но и учебной, научной, официально-деловой, публицистической и проч.), поскольку в рассматриваемое время было принято публиковать в крупных периодических изданиях обзоры всех книжных новинок за истекший месяц.

Период 1-й половины XIX века характеризовался широкомасштабным энциклопедическим «филологизмом» образованной части российского общества, обусловившим глубокий интерес литераторов к вопросам русского языка и ко всем проявлениям Слова как воплощению интенсивной духовной жизни человека. Языковые оценки, сделанные русскими критиками в этот период всеобщей «гуманитарности», как кажется, не могут быть отнесены к разряду наивных или обыденно-житейских. Высокий уровень филологических познаний, глубокий интерес к словесности, опыт писательской и научно-литературной деятельности, тонкое лингвистическое чутьё стали залогом точности и проницательности языковых оценок, сделанных русскими критиками.

Вторая глава «Критические замечания фонетико-орфоэпического характера», состоящая из пяти разделов, посвящена исследованию критических суждений о звуковой сфере произведений.

В разделе **2.1.** рассматриваются особенности восприятия критикой фонетических явлений. Звуковая организация литературного текста (не только стихотворного, но и прозаического) расценивалась как важнейшая составляющая его художественно-образного строя и неотъемлемая черта индивидуально-творческой манеры автора. Замечания такого рода, опираясь

на непосредственные чувственно-вкусовые впечатления, отличались ярко выраженным субъективно-ассоциативным характером. Обращает на себя внимание синестезия восприятия фонетической сферы, что проявлялось в комплексных оценках типа «нежные мелодические аккорды», «живопись в самих звуках» и проч. В своих воззрениях на фонетическую сторону произведений критики руководствовались тремя основными критериями: эстетическим, функционально-стилистическим и нормативно-ортологическим.

В разделе **2.2.** анализируются оценки благозвучия, т.е. эстетичного, гармоничного для слуха и лёгкого для произнесения (в данном случае – чаще для мысленного проговаривания) сочетания звуков. Критерий эвфонии привлекался рецензентами при обсуждении самых разнообразных вопросов художественного языка. При этом явления, которые по тем или иным причинам казались критикам несостоятельными (злоупотребление иностранными словами, семантическая неточность, стилистические погрешности и т.п.), нередко характеризовались одновременно и как неблагозвучные. Напротив, положительная оценка каких-либо языковых фактов художественного текста могла сопровождаться похвалой их «сладкогласия». Можно заметить, что если суждения о благозвучности поэзии были преимущественно фоноэстетическими по характеру, то критические высказывания о языке прозы, как правило, отличались синкретизмом: собственно фонетические замечания совмещались в них с грамматическими, лексическими, стилистическими и прочими; это обусловлено спецификой двух разных типов организации художественного текста. Выявляются существенные различия в суждениях критиков, придерживавшихся архаистических взглядов на развитие языка и ставящих на первое место смысл произведения в ущерб благозвучию, и литераторов демократического направления, для которых не менее значимым, чем содержание, была звукопроизносительная гармония рецензируемого текста

Раздел **2.3.** посвящён критическим высказываниям о звукоизобразительных приёмах, т.е. звукописи и звукоподражании. В 1-й половине XIX века эти традиционные, освящённые ещё античными риториками и весьма характерные для поэзии классицизма средства воспринимались уже как наивно-примитивные. Как правило, похвально отзывались о звукописи и звукоподражании критики, придерживающиеся архаистических взглядов.

В разделе **2.4** характеризуются критические суждения о допустимости фонетических по природе «стихотворческих вольностей», т.е. традиционных, нередко архаичных условностей стихотворной речи, помогающих авторам решать версификационные и стилистические задачи. В частности, анализируется журнальная полемика по поводу таких широко распространённых в поэзии этого периода явлений, как отсутствие перехода [е] в [о] под ударением после мягких перед твёрдыми согласными (рифмы типа *свет - несет; небес-слез*, отражающие фонетическую особенность церковнославянского языка); синонимичное употребление авторами полногласных и неполногласных пар типа *мороз – мраз; голос – глас* и т.п.; употребление «усечений», т.е. сокращённых на один слог образований типа *сбираясь* вместо *собираясь* или *ветр* вместо *ветер*.

В русской литературной критике 1-й половины XIX века обсуждались не только фоностилистические явления, но и вопросы орфоэпической правильности произведений. Характеристике замечаний такого рода посвящён раздел **2.5.** Орфоэпическая норма 1-й половины XIX века ориентировалась главным образом на живое произношение дворянской интеллигенции, к числу которой относились и сами критики; а несколько позже, в 40-е - 50-е гг., – на «выговор» интеллигентов-разночинцев⁵. Можно заметить, что особенно часто критиками поднимались орфоэпические

⁵ Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII – XIX вв. /М.В. Панов. –М.: КомКнига, 2007. – С. 191.

проблемы, связанные с согласными звуками, в особенности, - с заднеязычными: *Бакчисарай* - *Бахчисарай*, *клев* – *хлев*, *Петербургский* – *Петербуржский* и т.п., - что обусловлено, вероятно, особым положением этих некогда непалатальных и позже смягчившихся звуков в фонетической системе русского языка.

В третьей главе «Критические замечания об ударении» характеризуются акцентологические оценки. Высказывания такого рода, касавшиеся, естественно, лишь стихотворных произведений, встречались в русской критической литературе 1-й половины XIX века нечасто. По-видимому, это было связано с тем, что к нарушениям ударения критики относились как к допустимым поэтическим «вольностям» и потому нередко обходили такого рода погрешности молчанием. Эта глава включает пять разделов. Раздел **3.1.** освещает отражение вопросов ударения в грамматических руководствах XVIII – 1-й половины XIX века. В разделах **3.2. – 3.5.** описываются акцентологические проблемы, ставшие предметом внимания критики. Обычно это были наиболее актуальные для данного периода вопросы: акцентная неустойчивость двусложных существительных женского рода с флексиями *-а, -я* типа *сосна, глава*, вариантность ударения в кругу кратких и полных имён прилагательных, колебания акцента в глаголах с суффиксом *-ну* и, особенно часто, - неустойчивое ударение в причастиях, как кратких, так и полных, - книжной части речи, которая унаследовала церковнославянские акцентные черты.

Индивидуально-субъективные суждения о стихотворном ударении, представляющие собой частные случаи общественной оценки и регламентации акцентных явлений, отражают общезыковые акцентологические изменения и потому весьма показательны в плане выявления основных тенденций и закономерностей в развитии русского ударения. Таких, в частности, как перенос акцента ближе к концу слова в кругу двусложных существительных женского рода или перемещение ударения с суффикса глагола на корневую морфему.

В критических оценках ударения наглядно отразились две полярные точки зрения на язык поэзии. В соответствии с одной из них, стихотворный язык должен быть, прежде всего, современным, естественным и отражать живое употребление; в соответствии с другой, - поэзия обязана сохранять традиции старой школы классицизма. Сторонники первой точки зрения (яркий пример – В.Г. Белинский) обычно опирались в своих рекомендациях на живые, общепринятые и наиболее продуктивные акцентные формы. Приверженцы второй (например, С.П. Шевырев) искали нормативную опору в грамматиках и словарях, предписания которых нередко отставали от реального развития языка. Однако критики 1-й половины XIX века, как правило, проявляли отрицательное отношение к архаичным и диалектным формам ударения, противоречащим общему употреблению и не соответствующим лингвистическим вкусам эпохи. Таким, например, как использованные в качестве сказуемого краткие страдательные причастия с

ударным суффиксом типа *раздел нны, сопряж нны*, или – диалектные по

происхождению ударения типа *св тила*, вместо *свет ла*, *впер ди*, вместо *впередй*.

Четвёртая глава «Критические замечания о словоупотреблении» посвящена оценкам лексико-семантического характера, самым частотным в русской критике 1-й половины XIX века. Анализ свидетельствует о том, что в различных по способу организации художественных текстах: поэтических, прозаических (как художественных, так и нехудожественных), драматургических – оценки словоупотребления имели свою специфику, выявлению которой посвящены три крупных раздела, составляющие главу: **4.1. «Лексико-семантические оценки поэзии», 4.2. «Лексико-семантические оценки прозы», 4.3. «Лексико-семантические оценки**

драматургии». В каждом из этих разделов, в соответствии с характером собранных данных, материал стратифицируется следующим образом: 1. **коммуникативно-прагматические замечания,** касающиеся информационно-смысловой состоятельности рецензируемого текста, т.е. его *точности, ясности и логичности*; 2. **социально-этические замечания,** затрагивающие проблемы семантико-идеологической сферы и языковой этики; 3. **эстетические замечания,** оценивающие произведение как проявление словесного искусства.

В критических суждениях о словоупотреблении наглядно отразились такие весьма значимые для данной эпохи лексические процессы, как эволюция словарного состава, изменение семантической структуры слова (особенно в кругу так называемых «поэтизмов» типа *чело, сень, куща* и др.), становление тропеического арсенала русской поэзии (*златые мечты, дым столетий, сердце пляшет* и проч.), возникновение различных трансформаций в области лексической сочетаемости и в сфере фразеологии (*милая богиня, огромные надежды, читать в глаза* и т.п.) и др.

Оценивая лексическую сторону стихотворных произведений, рецензенты, что естественно при анализе стиха, как правило, рассматривали слова или словосочетания, привлёкшие их внимание, на синтагматическом уровне, т.е. исходя из целостного поэтического контекста. Вместе с тем при аргументации оценок весьма часто имело место обращение к лексической парадигматике, т.е. к видоизменению данной леммы в ряду подобных (подбор синонимических или антонимических соответствий, использование приёма дефиниции, доказательство от противного и т.п.). Этот своего рода «лингвистический эксперимент» помогал критикам наилучшим образом обосновать состоятельность или несостоятельность авторского словоупотребления.

Характерно при этом, что часто критики судили о достоинствах и недостатках стиха, ориентируясь, с одной стороны, на кодифицированную,

строгую норму, отражённую в словарях, и, с другой, - на прозаическую разновидность речи, демонстрируя отрицательное отношение к типичным для стиховой формы выражения «вторым смыслом» и нестандартной сочетаемости и далеко не всегда учитывая специфические для поэтического творчества лиризм, повышенную эмоциональность и художественную выразительность.

В отличие от оценок поэзии, сделанных, как правило, на синтагматическом уровне, лексические оценки прозы чаще касались парадигматических отношений. Например, обсуждение выбора синонима (*зарезанный – убитый, мысль – мышление, разинуть – открыть* и проч.), критика ошибок, связанных с паронимией и паронимическими явлениями (*всклоченный – всклокоченный, представить – предоставить, ледяной – льдистый, визжать – жужжать* и под.) и т.п..

Оценивая лексико-семантическую сферу поэзии и прозы, критики обычно затрагивали разные аспекты культуры речи. Если при анализе стихотворных произведений обсуждались большей частью проблемы речевого мастерства, т.е. умение поэтов выбрать из нескольких правильных лексических вариантов наиболее удачный, то в ходе анализа прозы акцент более ставился на правильности речи, на безупречном владении литературной нормой. Следует отметить также, что актуальнейшая в этот период проблема злоупотребления иностранными словами обсуждалась наиболее активно именно в отзывах о прозаических произведениях.

Основные требования, предъявляемые в русской критической литературе 1-й половины XIX века к драматургической речи, заключались в правдоподобию, доступности и естественной непринуждённости сценического языка, который был в этот период становления русской драматургии далёк от натуральности и простоты. Примечательно, что лексическую архаику, весьма часто применяемую авторами-драматургами в качестве стилистического средства (*вперить, претящие очи, живот ‘жизнь’, препона, зрак* и т.п.), рецензенты намеренно представляли в своих отзывах

как нарушение ясности и логичности языка, подчёркивая при этом те трудности понимания, с которыми столкнётся читатель или зритель.

Первостепенным критерием при оценке лексической стороны произведений драматургии был принцип уместности речевой имитации. По этой причине рецензенты положительно оценивали явные нарушения лексико-семантических норм (*по плечу потрепетал* вместо - *потрепал*, *вишь* вместо *видишь*, *зане* вместо *так как* и др.), допущенные создателями драматургических сочинений, при условии, что эти отступления были оправданными с социальных, исторических или художественно-эстетических позиций.

В пятой главе «Критические замечания о словообразовании» обсуждаются сделанные русскими критиками оценки деривационной стороны рецензируемых произведений. Данная глава состоит из шести разделов.

В разделе **5.1.** рассматриваются особенности критических суждений о словообразовании. В русском литературном языке 1-й половины XIX века, в период интенсивного пополнения словарного состава, именно словообразование нередко становилось средоточием интересов, предметом полемики и причиной серьёзного размежевания литературных группировок; таких, например, как «Арзамас» и «Беседа любителей русского слова». В подобных случаях остро выступала на первый план проблема нормы в соотношении с отклонениями от неё.

Раздел **5.2.** посвящён составляющим самую обширную группу среди словообразовательных оценок замечаниям об индивидуально-авторских неологизмах. В диссертации подчёркивается, что критики, оценивающие удачность или неудачность окказиональных слов (таких, как *далекоразящий*, *сентябрёвый*, *поэтка*, *сердцегубка*, *творчность* и др.), часто имели в виду не только «родной» их контекст, но также нередко заглядывали в перспективу, пытаясь угадать, удержится ли та или иная новация в будущем. Большой интерес для исследования динамики деривационных процессов и

вероятностных возможностей словообразования представляют часто встречающиеся в русской критической литературе факты отнесения к разряду инноваций архаичных или закреплённых в специфически узкой сфере употребления слов (таких, например, как *презритель*, *зablужденник*, *улегчение* и проч.).

В разделе **5.3.** представлен анализ нечастых в целом нормативно-ортологических оценок словообразовательных явлений (т.е. суждений о соответствии употреблённого в произведении производного слова словообразовательным закономерностям и правилам русского языка: *целовальница* вместо *целовальщица*, *стерзать*, *сколоть* вместо *истерзать*, *исколоть* и т.п.).

Значительно чаще встречались в русской критической литературе рассмотренные в разделе **5.4.** замечания о стилистической уместности словообразовательных явлений. Стилистические аспекты словопроизводства затрагивались критикой в тех случаях, когда речь заходила о синонимичных аффиксах, характерных для разных речевых сфер, об эмоционально-экспрессивных возможностях производных слов, об архаике и новациях в области словопроизводства и т.п. Так, отстаивая правомерность употребления в поэзии имён нулевой суффиксации типа *темь*, *хлоп*, *топ* и т.п., литераторы ссылались на принадлежность этих образований живой народной речи. Оценки излюбленных «архаистами» многосоставных эпитетов типа *чревоболющий*, *каменосечный*, *смертнозаразноносящийся* сопровождалась обвинениями в неуместной пышности. Характерные для сентименталистов уменьшительно-ласкательные существительные высмеивались за их чрезмерную приторность и проч.

В разделе **5.5.** описываются консервативно-пуристические высказывания критиков о широко распространённых, закрепившихся в употреблении, а иногда и кодифицированных образованиях, использованных сочинителями (*будущность*, *начитанность*, *улучиить*, *трогательный*, *представитель* и проч.).

Весьма частотными в русской критической литературе 1-й половины XIX века были оценки словообразовательной удачности терминов, особенно переводных, поскольку активизация научных исследований в этот период обусловила расширение переводческой деятельности. Этому вопросу посвящён раздел **5.6**. Трудные поиски оптимального в понятийно-смысловом и структурном отношении терминологического эквивалента не всегда были успешными. Это придирчиво подмечалось критикой, фиксирующей в рецензируемых научных трудах не специализированные для терминологии аффиксы (например, в переводных с немецкого языка зоологических терминах *внутренники*, *мясовики* и проч.), неоправданную многосложность и неблагозвучие термина (*землевозделывание*, *землепахание* и т.п.), злоупотребление иноязычной терминологией (*центрипетальный*, *центрифугальный* и т.п.). В ряде случаев замечания критиков, высказанные относительно словообразовательных явлений, отличаются глубиной и тонкостью суждений, а также прозорливостью по поводу дальнейшей судьбы новообразованного слова (например, критические суждения о терминах *полеводство*, *кастовый*, *видопись* и др.).

Шестая глава «Критические замечания грамматического (морфологического) характера» посвящена оценкам морфологической правильности произведений. В разделе **6.1.**, представляющем собой общий обзор критических суждений этого типа, констатируется характерное для эпохи противоречие между придирчивым вниманием критиков к грамматической сфере и их постоянными ссылками на несущественность, маловажность грамматических поправок по сравнению с идейно-содержательным «разбором» произведения. Причины этого расхождения лежат в сложнейших взаимоотношениях формального и идейно-содержательного планов искусства. Выявлено, что замечания критиков по поводу грамматики не ограничивались морфологическим и синтаксическим аспектами. К грамматическим в 1-й половине XIX века причислялись лексические, орфографические, орфоэпические и другие явления.

Установлено также, что рецензенты разграничивали ошибки грамматические (нарушения регламентаций, содержащихся в грамматических руководствах) и - языковые (отступления от общепринятого употребления, а также спорные и неоднозначные случаи, ещё не получившие грамматического осмысления и кодификации). Данное теоретическое размежевание отражает объективно существующие противоречия между нормой и узусом, проницательно подмеченные русскими литераторами как наиболее искушёнными в художественно-речевой сфере носителями языка.

В разделах **6.2.** – **6.4.** анализируются с привлечением нормативно-кодификационных, узуальных и историко-языковых данных замечания критиков о морфологической стороне прозы, поэзии и драматургии.

Отмечается, что к грамматической стороне прозы русская литературная критика проявляла особенно придирчивое внимание, и круг обсуждаемых здесь морфологических проблем отличался большой широтой: родовая принадлежность собственно русских и заимствованных существительных, употребление плюральных форм отвлечённых наименований, падежные формы разносклоняемых существительных, склонение местоимений, трудности, связанные с глагольными залогами образованиями, формами причастий и деепричастий и проч.

В работе подчёркивается, что материал оценок характеризует лингвистическую осведомлённость и своего рода «нормативную зоркость» как авторов рецензий, так и широких читательских кругов. Кроме того, критические замечания могут служить косвенным свидетельством общеизвестности, «замечаемости» в интеллигентной среде тех или иных грамматических (морфологических) нарушений и, одновременно, - их значимости, актуальности или, напротив, второстепенности для носителей языка. Судить об этом позволяет не только содержательная, но и формально-изобразительная, «орнаментальная» сторона отзывов о языке. В одних случаях критики, полагая, что читатели без труда распознают ту или иную

погрешность, лишь выделяли неверную, по их мнению, грамматическую форму. Например, деепричастие совершенного вида *простря* вместо *простерев*; окказиональные формы именительного падежа множественного числа *любви* (*Есть разного рода любви*) и - родительного множественного *вражд* и *мечт* и др. В других, менее прозрачных случаях, – наряду с графическим или шрифтовым выделением ошибки, предлагался правильный, с позиций критика, вариант. Такова, например, правка отличавшихся в 1-й половине XIX века вариативностью форм личного местоимения 3-го лица женского рода *она*: *ея* (род. ед.) - *ее* (вин. ед.); поправки номинативно-плюральных форм местоимений : *оне* – применительно к существительным женского рода, *они* – мужского; замечания по поводу бывших тогда в ходу форм им. мн. *ребёнки*, *жеребёнки* и т.п. В третьих, наиболее сомнительных ситуациях, критики комментировали и (или) аргументировали свою точку зрения. Так, пояснениями сопровождалось суждения о родовой принадлежности существительного *дитя*, генитивных формах единственного числа существительных мужского рода с флексиями – *у* и – *а*, спряжении глаголов *хотеть*, *гневить* и т.п.

Сделан вывод о том, что применительно к прозе в русской критической литературе 1-й половины XIX века наиболее активно обсуждались вопросы правильности грамматических форм. Высказывания относительно стилистических, коммуникативно-прагматических и эстетических качеств морфологических явлений были относительно нечастыми.

В работе отмечается, что критические замечания о грамматической (морфологической) стороне поэзии встречались значительно реже, чем аналогичные замечания, адресованные прозе. Поскольку основное назначение «языка богов», как тогда именовали поэзию, заключалось в «исправлении нравов» и «услаждении сердца», наиболее ценными считались воспитывающее содержание стихов, их эмоциональный настрой и «сладкозвучие». Кроме того, грамматические погрешности в стихотворном

тексте нередко извинялись так называемыми «пиитическими вольностями», то есть сознательными отступлениями от нормы или общепринятого употребления, облегчающими авторам версификационные задачи. В диссертации детально анализируются критические замечания о морфологической правильности стихотворных произведений А.С. Пушкина – центральной фигуры литературной жизни 1-й половины XIX века, а также – К.Н. Батюшкова, А.Ф. Воейкова, В.И. Красова, В.Г. Бенедиктова и др. авторов. Сделан вывод о том, что суждения о грамматической (морфологической) стороне поэзии имели преимущественно стилистический, семантико-прагматический и эстетический характер. В частности, предметом внимания критики становились такие явления стихотворного языка, как функционально-эстетическая дифференциация форм предложного падежа единственного числа с окончаниями – *е* (*в боре*) и – *у* (*в бору*); целесообразность использования книжно-архаичных форм родительного падежа множественного числа типа *времен, очес*, стилистическая оправданность употребления усечённых форм прилагательных и причастий, грамматическая семантика действительных причастий прошедшего времени типа *угасший* и проч.

Драматические произведения становились объектом внимания критики значительно реже, чем поэзия и проза, поскольку в 1-й половине XIX века русская драматургия только складывалась, и подавляющая часть пьес представляла собой переводы с основных западноевропейских языков, прежде всего – с французского. Особое внимание уделялось здесь удачности стилизации, и потому на уровне морфологии были возможны положительные отзывы о заведомо ошибочных грамматических формах (например, *глазы*, вместо – *глаза*), если эти нарушения были художественно мотивированны. В представлении русских критиков, язык драматургии должен был обладать естественностью живой, непринуждённой речи. И потому грамматическую архаику, использованную авторами-драматургами в качестве стилистического средства (например, высоко-книжную форму

страдательного причастия прошедшего времени *зablужденный*, образованную от устаревшего невозвратного глагола *зablудить* ‘сбиться с пути’, вместо *зablуждающийся*; архаичное притяжательное прилагательное *солнцев* вместо *солнечный* и пр.), рецензенты намеренно представляли в своих отзывах как грубое нарушение норм, обусловленное незнанием правил, подчёркивая при этом трудности понимания, с которыми столкнётся читатель или зритель.

В разделе **6.5.** рассматриваются два принципиально разных подхода к морфологическим фактам языка, выявляемых в русской критической литературе 1-й половины XIX века. С одной стороны, грамматическая форма, привлекая внимание рецензентов, рассматривалась ими изолированно от контекста, то есть парадигматически. С другой стороны, она могла рассматриваться как составная часть контекста, т.е. синтагматически. В отзывах о языке поэзии и драматургии преобладали грамматико-стилистические оценки синтагматического типа; в рецензиях, посвящённых анализу прозаических произведений (как художественных, так и нехудожественных), господствовали ортологические замечания парадигматического характера. Эти различия обусловлены спецификой трёх различных видов литературного творчества: содержательной рациональностью прозы, эмоциональностью, мелодичностью и стремлением к гармонии, свойственным поэзии, и имитационно-сценическими качествами драматургии.

В седьмой главе **«Основные типы оценочно-языковой аргументации в русской литературной критике первой половины XIX века»** анализируются способы доказательства, привлекаемые критиками для обоснования их суждений о словесной сфере рецензируемых произведений. Анализ аргументации языковых оценок позволяет более углублённо исследовать основные тенденции языкового развития, изучить лингвистические предпочтения исследуемой эпохи, уточнить представления об уровне языковедческой и, в целом, отечественной филологической

культуры. Специфика доводов, приводимых рецензентами для обоснования своих мнений, определялась свойствами той языковой области, к которой относился оцениваемый факт. Вместе с тем существовали универсальные виды аргументации, используемые при обсуждении самых разнообразных речевых явлений. Наиболее характерными для рассматриваемого периода были 1) аргументы, основанные на аналогии; 2) аргументы лексико-семантического характера; 3) стилистические доводы; 4) эстетические аргументы; 5) ссылки на нормативно-предписывающие руководства. Особенно широкое распространение в русской критической литературе 1-й половины XIX века имели доводы, в основе которых лежала аналогия, представляющая собой типичное и наиболее очевидное для носителей языка явление формально-семантического уподобления языковых единиц. В частности, это ссылки на общее (устное и письменное) или индивидуальное употребление, а также такие базирующиеся на аналогии аргументы, как апелляция к невозможному или абсурдному.

В **«Заключении»** кратко излагаются основные результаты диссертационной работы, соответствующие поставленным в ней целям и задачам.

Первая половина XIX века была периодом углублённого интереса к русскому языку со стороны наиболее филологически просвещённой части российского общества, каковою и являлась критика, считавшая одной из своих главных задач «установление языка». Критические рассуждения о правильном и неправильном, точном и неточном, изящном и неизящном представляют собой одно из проявлений общественной оценки фактов языка на предмет их нормативности. В этом отношении языковую критику можно рассматривать как проявление процесса социальной апробации литературной нормы. «Языковой идеал» в этот период зиждился на узусе. Современные эпохе грамматики и словари с их чрезмерной вариативностью и ориентацией на устаревшие или устаревающие нормы, как правило, не представляли авторитета для критики. Эта типичная для эпохи установка на «узуальность»

сыграла, как кажется, роль существенного фактора в процессе демократизации русского литературного языка.

В русской критической литературе 1-й половины XIX века активно обсуждались такие актуальные для эпохи языковые контрасты, как широкое использование авторами живой народной речи - и сохранение, а в ряде случаев даже усиление церковнославянской и архаичной языковых стихий; интенсивное употребление иностранных слов - и активная выработка их собственно русских эквивалентов; бурное развитие словообразования - и ярко выраженный негативизм по отношению к новациям; стремление сделать язык литературы как можно более естественным - и характерная для многих писателей чрезмерная канцеляризация изложения; освобождение от прежних стилистических традиций - и попытки ограничить литературное выражение узкими рамками «слога».

Многие оценки языка, содержащиеся в произведениях русской критической литературы 1-й половины XIX века, отличаются глубиной и тонкостью наблюдений, прозорливостью и в связи с этим, нужно полагать, не могут быть отнесены к разряду наивных или обыденных.

Исследование критико-лингвистических высказываний представляется весьма перспективной языковедческой сферой, многие аспекты которой ещё ждут своего изучения.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии

1. Серебряная И.Б. Грамматические оценки в русской критической литературе 1-й половины XIX века (морфология) / И.Б. Серебряная. – Казань: Печать-Сервис XXI век, 2012. – 140 с.
2. Серебряная И.Б. Фонетико-орфоэпические и акцентологические оценки в русской критической литературе 1-й

половины XIX века / И.Б. Серебряная. – Казань: Отечество, 2013. – 142 с.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

3. Серебряная И.Б. Акцентологические оценки имён существительных в русской критической литературе 1-й половины XIX века / И.Б. Серебряная // Филология и культура. – 2012. - № 1 (27). – С. 71-78.

4. Серебряная И.Б. К истории слова *черт* в русском языке / И.Б. Серебряная // Славяноведение.- 1998.- № 3. – С. 65-73.

5. Серебряная И.Б. Методика работы по культуре речи в период педагогической практики / И.Б. Серебряная // Русский язык в школе. – 2005. - № 1. – С. 105 – 107.

6. Серебряная И.Б. О грамматических спорах вокруг Гоголя / И.Б. Серебряная // Русская речь. – 1994. - № 5. – С. 62 - 66.

7. Серебряная И.Б. Окказионализмы в зеркале русской литературной критики 1-й половины XIX века / И.Б. Серебряная // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – Том 154. - Кн. 5.– С. 62-70.

8. Серебряная И.Б. Особенности рифмы и созвучий у К.Ф. Рылеева / И.Б. Серебряная // Русская речь.- 2005. - № 6.- С. 3-8.

9. Серебряная И.Б. Поэтический язык Пушкина в зеркале русской критики / И.Б. Серебряная // Русский язык в школе. – 1999. - № 3. - С.59-61.

10. Серебряная И.Б. Предводительница ко всем наукам. Логический критерий оценки в критике 1-й половины в критике 1-й половины XIX в./ И.Б. Серебряная // Русская речь.- 2013. - № 2. – С. 3-8.

11. Серебряная И.Б. Предводительница ко всем наукам (окончание) / И.Б. Серебряная // Русская речь.- 2013. - № 4. – С. 7-12.

12. Серебряная И.Б. Русская критика на страже грамматической правильности / И.Б. Серебряная // Русская речь. – 2011. - № 1. – С. 3-10.

13. Серебряная И.Б. Русская критика о благозвучии и звукописи в поэзии / И.Б. Серебряная // Русская речь. – 2011. - № 5. – С. 3-11.

14. Серебряная И.Б. Русская критика о благозвучии и звукописи в поэзии (окончание) / И.Б. Серебряная // Русская речь. – 2011. - № 6. – С. 3-11.

15. Серебряная И.Б. «Своею ласкою поэта Ты, Рифма! радуешь одна» / И.Б. Серебряная // Русский язык в школе. – 2000. - № 2. – С. 66 – 68.

16. Серебряная И.Б. «Следы родимой почвы» в поэзии И.З. Сурикова / И.Б. Серебряная // Русская речь.- 2004. - № 2. – С.13 – 19.

17. Серебряная И.Б. Топонимическое пространство пословиц и поговорок (В.И. Даль «Пословицы русского народа») / И.Б. Серебряная // Русская словесность. – 2006. - № 5. – С. 75-80.

18. Серебряная И.Б. Цыгане и цыганы / И.Б. Серебряная // Русская речь. – 1989. - № 1. – С. 65-68.

Публикации в других изданиях

19. Серебряная И.Б. Вопросы языка и стиля в русской журналистике начала XX века. Аполлон (1909-1917) / И.Б. Серебряная // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях (IX Кирилло-Мефодиевские чтения): Материалы Международной научной конференции. – М., 2008. – С. 57-62.

20. Серебряная И.Б. Грамматическая правильность поэзии А.С. Пушкина в зеркале русской критики / И.Б.Серебряная // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе. Материалы IV

Всероссийской научной конференции. – СПб: Наука, 2012. – С. 302-308.

21. Серебряная И.Б. Н. Гумилёв – критик языка / И.Б. Серебряная // Татьянин день: Сборник статей и материалов пятой республиканской научно-практической конференции. - Ч. 1. – Казань: Школа, 2008. – С. 220-223.

22. Серебряная И.Б. Лексико-семантические оценки поэзии в русской критической литературе 1-й половины XIX века / И.Б.Серебряная // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии. Международная научно-практическая конференция. – Казань, 2012. – С. 173-176.

23. Серебряная И.Б. Осип (Юлиан) Иванович Сенковский (1800-1859) как критик русского языка / И.Б.Серебряная // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии. Материалы Международной научной конференции.- М.: Изд-во МГУ, 2013.- С. 333-335.

24. Серебряная И.Б. Оценки фразеологизмов в русской критической литературе 1-й половины XIX века / И.Б.Серебряная // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития. Материалы Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во «Печать-Сервис XXI век», 2013. – С. 254-258.

25. Серебряная И.Б. Проблемы ортологии в русской литературной критике XIX века / И.Б. Серебряная // Бодуэн де Куртенэ: теоретическое наследие и современность. Тезисы докладов Международной научной конференции.- Казань: Изд-во КГУ, 1995. – С.176-178.

26. Серебряная И.Б. Русская лингвистическая аксиография и грамматическая история слов (к истории глаголов *старить* и *стариться*) / И.Б.Серебряная // Русский язык: функционирование и

развитие: Материалы Международной научной конференции. – Т.2. – Казань: Казанский университет, 2012. – С. 298-302.

27. Серебряная И.Б. Русская литературная критика XVIII века и проблемы языковой нормы / И.Б.Серебряная // Национальный миф в литературе и культуре: Материалы Всероссийской научной конференции. – Казань: ТГГПУ, 2009. – С. 265 - 268.

28. Серебряная И.Б. Русская литературная критика 1-й половины XIX века и вопросы грамматической нормы / И.Б.Серебряная // Homo scribens. Литературная критика в России: поэтика и политика: Статьи и материалы Всероссийской научной конференции. – Казань: Изд-во КГУ, 2009. – С. 62 -66.

29. Серебряная И.Б. Русская литературная критика 1-й половины XIX века и проблемы стихотворного языка / И.Б. Серебряная // Языковая семантика и образ мира: Материалы Международной научной конференции. – Ч. 2. – Казань: Изд-во КГУ, 2008.- С. 186 - 187.

30. Серебряная И.Б. Семантика поэтизмов в оценках русской критики 1-й половины XIX века / И.Б.Серебряная // III Международная конференция «Культура русской речи». Русский язык в культурно-историческом измерении. Посвящается 200-летию Я.К. Грота. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. – С. 196-198.

31. Серебряная И.Б. Спорные вопросы грамматической нормы в трудах русских критиков / И.Б. Серебряная // Актуальные проблемы истории русского языка: Тезисы докладов научной конференции, посвящённой 70-летию проф. В.М. Маркова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1997. – С. 69-71.

32. Серебряная И.Б. Язык драматургии в зеркале русской критики 1-й половины XIX века (морфологический аспект) / И.Б.Серебряная // II Международный научный симпозиум. Славянские

языки и культуры в современном мире. – М.: Изд-во МГУ, 2012. – С. 251-252.

33. Серебряная И.Б. Язык переводов в зеркале русской критики 1-й половины XIX века / И.Б.Серебряная // Язык, культура, речевое общение: Материалы Международной конференции. – Ч. 2. – М.: Прометей: МПГУ, 2009. – С. 526-529.

34. Серебряная И.Б. Язык переводов в оценках русской критики / И.Б.Серебряная // Современные проблемы русистики и лингвометодики: Материалы республиканской научно-практической конференции. – Казань: ТГГПУ, 2010.- С. 290-293.

35. Серебряная И.Б. Языковые оценки в русской журналистике 1-й половины XIX века. «Заволжский муравей» / И.Б.Серебряная // IV Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность: М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 576.

36. Серебряная И.Б. Языковые оценки в русской литературной критике 1-й половины XIX века (Н.В. Гоголь, О.И. Сенковский, В.Г. Белинский) / И.Б.Серебряная // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы Международной конференции. – Казань: КФУ, 2010. – С.395-397.